

П.И. Мельников-Печерский

В лесах

Книга 1. Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
П11

П.И. Мельников-Печерский
П11 В лесах: Книга 1. Часть 2 / П.И. Мельников-Печерский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 192 с.

ISBN 978-5-4241-1747-3

Этнограф-беллетрист Павел Иванович Мельников-Печерский, более известный как Андрей Печерский, принадлежит к плеяде выдающихся русских литераторов середины XIX века. Оригинальная творческая индивидуальность, острая наблюдательность, знание народного быта и фольклора, прекрасное владение народной речью выдвинули его в ряд значительных писателей в то время, когда в литературе блистали такие корифеи критического реализма, как А. Толстой, Н. Некрасов, М. Салтыков-Щедрин, Ф. Достоевский, И. Тургенев, А. Островский, И. Гончаров. Благодаря совершенно особому таланту, своеобразному мировосприятию он сумел отобразить в своих произведениях то, что ускользнуло от взглядов этих и многих других художников слова.

Творчество писателя настолько ярко и самобытно, что и сегодня волнует, заставляет задуматься, открывает читателю неведомые грани русской жизни позапрошлого века, показывает своеобразие характеров наших соотечественников.

ISBN 978-5-4241-1747-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© П.И. Мельников-Печерский, 2021

Мельников-Печерский Павел
Иванович
В лесах (Книга 1, часть 2)

МЕЛЬНИКОВ-ПЕЧЕРСКИЙ, Павел Иванович

(1818-1883)

"В лесах"

(1871-1875)

Все примечания, данные в скобках, принадлежат автору.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Леса, что кроют песчаное Заволжье, прежде сплошным кряжем между реками Унжей и Вяткой тянулись далеко на север. Там соединялись они с Устюжскими и Вычегодскими дебрями. В старые годы те лесные пространства были заселены только по южным окраинам - по раменям - вдоль левого берега Волги, да отчасти по берегам ее притоков: Линды, Керженца, Ветлуги, Кокшаги. По этим рекам изредка стояли деревушки, верстах на двадцати и больше одна от другой. Тамошний люд жил как отрезанный от остального крещеного мира. Церквей там вовсе почти не было, и русские люди своими дикими обычаями сходствовали с соседними звероловами, черемисой и вотяками: только языком и отличались от них. Детей крестили у них бабушки-повитухи, свадьбы-самокрутки венчали в лесу вокруг ракитова кустика, хоронились заволжане зря, где попало. "Жили в лесу, молились пенью, венчались вокруг ели, а черти им пели",- так говаривали московские люди про лесных обитателей Заволжского края... Иной раз наезжали к ним хлыновские попы с Вятки, но те попы были самоставленники, сплошь да рядом венчали они не то что четвертые, шестые да седьмые браки, от живой жены или в близком родстве. "Молодец поп хлыновец за пару лаптей на родной материобвенчает",- доселе гласит пословица про таких попов. Духовные власти не признавали их правильными и законными пастырями... Упрекая вятских попов в самочинии, московский митрополит говорил: "Не вемы како и нарицати вас и от кого имеете поставление и рукоположение" (Митрополит Геронтий в восьмидесятих годах XV столетия.). Но попы хлыновцы знать не хотели Москвы: пользуясь отдаленностью своего края, они вели дела по-своему, не слушая митрополита и не справляясь ни с какими уставами и чиноположениями.

Таким образом, почва для церковного раскола в заволжских лесах издавна приготовлена была. И нынешние старообрядцы того края такие же точно, что их предки - духовные чада наезжих попов хлыновцев. Очень усердны они к православию, свято почитают старые книги и обряды, но держатся самоставленных или беглых попов, знать не хотят наших архиереев. Архиереев и попов австрийской иерархии тоже знать не хотят. Каков поп, таков и приход. Попы хлыновцы знать не хотели Москву с ее митрополитом, их духовные чада - знать не хотели царских воевод, уклонялись от платежа податей, управлялись выборными, судили самосудом, московским законам не подчинялись. Чуть являлся на краю леса посланец от воеводы или патриарший десятильник, они покидали дома и уходили в лесные трущобы, где не сыскали б их ни сам воевода, ни сам патриарх. С XVII столетия в непроходимые заволжские дебри стали являться новые населенники. Остатки вольницы, что во времена самозванцев и ляхолетия разбоем да грабежом исходили вдоль и поперек чуть не всю Русскую землю, находили здесь места безопасные, укрывавшие удальцов от припасенных для них кнотов и виселиц. Беглые холопы, пашенные крестьяне, не смогшие примириться с только что возникшим крепостным правом, отягощенные оброками и податями слобо-

жане, лишённые промыслов посадские люди, беглые рейтары, драгуны, солдаты и иные ратные люди ненавистного им иноземного строя,- все это валом валило за Волгу и ставило свои починки и заимки по таким местам, где до того времени человек ноги не накладывал. Смуты и войны XVII века в корень расшатали народное хозяйство; неизбежным последствием явилось множество людей, задолжавших в казну и частным людям. Им грозили правеж или вековечное холопство; избегая того и другого, они тоже стремились в заволжские леса. Тогда-то и сложилась поговорка: "Нечем платить долгу, дай пойду за Волгу".

Такова была закуска населения заволжских лесов, когда во второй половине XVII века явились туда новые насельники, бежавшие из сел и городов раскольники. По скитским преданьям, начало старообрядских поселений в заволжских лесах началось чудесным образом. Во время "Соловецкого сиденья", когда царский воевода Мещеринов обложил возмутьившихся старообрядцев в монастыре Зосимы и Савватия и не выпускал оттуда никого, древний старец инок-схимник Арсений дни и ночи проводил на молитве перед иконой Казанской богородицы. А та икона была прежде комнатною царя Алексея и пожалована им в Соловки еще до патриаршества Никона. Накануне взятия монастыря царскою ратью истомился Арсений, стоя на молитве, задремал. И, будучи в тонком сне, слышал он глас от иконы: "Гряди за мною ничто же сумняся, и где я становлюся, тамо поставь обитель, и пока икона моя будет в той обители, древнее благочестие будет в ней процветать". И видел Арсений, что икона богородицы в выспрь поднялась и в небесной высоте исчезла... Проснулся инок-схимник, иконы на месте не было... На другой день взят был монастырь "Соловецких сидельцев" в кандалах перевезли на матерую землю, и здесь Арсению удалось бежать из-под царского караула в леса. Только что ступил он в лесную чащу, видит икону, перед которой молился; грядет та икона поверх леса на воздух... Идет за нею изумленный и трепетный Арсений. Перед ним деревья расступаются, перед ним сохнут непроходные болота, перед ним невидимая сила валежник врозь раскидывает. "Чудяся бывшему о нем", Арсений идет да идет за иконою. И стала та икона в лесах Чернораменских, неподалеку от починка Ларионова, на урочище Шарпан. И поставил тут Арсений первый скит (Шарпанский скит существовал сто семьдесят лет и окончательно уничтожен в 1853 году. В 1718 году в нем было 7 монахов и 44 монахини. В последнее время мужской обители в нем уже не было, но женщин жило больше сотни. Это был один из самых богатых и самых строгих скитов. Икона Казанской богородицы, почитаемая старообрядцами чудотворною, находится с 1849 года в мужском керженском Благовещенском единоверческом монастыре.).

С легкой руки соловецкого выходца старообрядские скиты один за другим возникали в лесах Заволжья. Вскоре их появилось больше сотни в Черной рамени, в лесах Керженских, в лесах Рымских и за рекой Ветлугой. В скитах селились старообрядцы разного звания. В первые десятилетия существования раскола от "Никоновых новшеств" бегали не одни крестьяне и посадские люди, не одни простые монахи и сельские попы. Уходили и люди знатных родов, из духовенства даже один архиерей сбежал в леса (Александр, первый епископ вятский, бежал в 1674 году в Вычегодские леса.). И в Черной рамени являлись знатные люди: из пределов смоленских бежали туда Салтыковы, Потемкины и другие. Основали они свой скит неподалеку от первоначального скита Шарпанского. Давно лесом

поросло старинное жилье богатых и влиятельных старообрядцев; но остатки гряд, погребных ям, заросших бурьяном могил и двенадцать надгробных камней до сих пор видны на урочище, прозванном "Смоляны"... В XVIII столетии в Комаровском скиту была основана обитель Бояркина, названа так оттого, что была основана княжной Болховской и первоначально вся состояла из боярышень. В ее часовне на венце иконы Спаса нерукотворенного до последнего времени висела александровская лента с орденом крестом: ее носил Лопухин, дядя основательницы обители... В Оленевском ските одна обитель была основана Анфисой Колычевой, родственницей святого Филиппа митрополита... Когда старый Улангерский скит в последних годах прошлого столетия сгорел от молнии, ударившей в пору необычайную, в самый крещенский сочельник, галицкая помещица Акулина Степановна Свечина со своею племянницей Федосеей Федоровной Сухониной собрала разбежавшихся от ужаса матушек, привела их на речку Козленец и поставила тут донине существующий Улангерский скит. Все скитские жители с умиленьем вспоминали, какое при "боярыне Степановне" в Улангере житие было тихое да стройное, да такое пространное, небоязное, что за раз у нее по двенадцати попов с Иргиза живало, и полиция пальцем не смела их тронуть". (В Улангерском скиту, Семеновского уезда, лет тридцать тому назад жил раскольниковый инок отец Иов, у которого в том же Семеновском уезде, а также в Чухломском были имения с крепостными крестьянами. Этот старик (Иона Михайлович Сухонин) был родственник Свечиной, едва ли не племянник ее. В Улангере, до самой высылки из скитов посторонних лиц (то есть не приписанных к скиту по ревизии), жили две дворянки, одна еще молоденькая, дочь прапорщика, другая старуха, которую местные старообрядцы таинственно величали "дамою двора его императорского величества". Дама эта действительно по мужу принадлежала к разряду придворных, но была вдова гоф-фурьера.)

Пребывание в некоторых обителях лиц из высших сословий, не прекращавшееся со времен смоленских выходцев, а больше того тесные связи "матерей" с богатыми купцами столиц и больших городов возвышали те обители перед другими, куда поступали только бедные, хотя и грамотные крестьянки из окрестных селений. Такие обители считались как бы аристократическими, имели свои предания. Этих преданий крепко держались, и за их сохранением зорко смотрели настоятельницы и старшие матери. Вход в такие обители, даже в число работниц, "трудниц", не всем был доступен. Нужны были для того связи, чье-нибудь покровительство. Большею частью игуменьи и старшие матери наполняли такие обители близкими и дальними своими родственницами. Бедные обители и небольшие скиты не очень дружелюбно смотрели на эти "прегордые" общины, завидовали их богатству, связям и почету, которым ото всех они пользовались. Первоначально скиты керженские, чернораменские были учреждениями чисто религиозными, как и наши монастыри. Они служили убежищем "не хотевшим новины Никоновы прияты", но с течением времени, по мере того как религиозный фанатизм ослабевал в среде раскольников, скиты теряли первоначальный характер, превращаясь в рабочие общины с артельным хозяйством. На деле оказалось, что женские скиты были способней усвоить такое хозяйство, чем мужские. В женских твердо сохранялись и повиновение старшим и подчинение раз заведенным порядкам, тогда как в мужских своеволие, непокорность старшинам и неподчинение артельным уставам в корень разрушали общинное

устройство. По мере того как женские общежития умножались и год от году пополнялись, ряды скитников редели, обители их пустели и, если не переходили в руки женщин, разрушались сами собою, безо всякого вмешательства гражданской или духовной власти. Ко времени окончательного уничтожения керженских и чернораменских скитов ' В 1853 году. не оставалось ни одного мужского скита; были монахи, но они жили по деревням у родственников и знакомых или шатались из места в место, не имея постоянного пребывания. Искатели иноческих трудов и созерцательной жизни удалялись в лесные трущобы и там жили совершенными отшельниками в вырытых землянках, иные в срубленных кое-как старческими руками кельях. Но таких пустынников было очень немного. Во всех общежительных женских скитах хозяйство шло впереди духовных подвигов. Правда, служба в часовнях и моленных отправлялась скитницами усердно и неопустительно, но она была только способом добывания денежных средств для хозяйства. Каждая скитская артель жила подаямиными богатых старообрядцев, щедро даваемыми за то, чтобы "матери хорошенько молились". И матери добросовестно исполняли свои обязанности: неленостно отправляли часовенную службу, молясь о здравии "благодетелей", помяная их сродников за упокой, читая по покойникам псалтырь, исправляя сорочкины, полусорочкины, години и другие обычные поминовения. Под именем "канонниц", или "читалок", скитские артели отправляли в Москву и другие города молодых белиц к богатым единоверцам "стоять негасимую свечу", то есть день и ночь читать псалтырь по покойникам, "на месте их преставления", и учить грамоте малолетних детей в домах "христоробивых благодетелей". Отправляли по разным местам и сборщиц с книжками. Ежегодно к празднику Пасхи такие сборщицы съезжались в скит и привозили значительные суммы денег и целые воза с припасами разного рода и с другими вещами, нужными в хозяйстве. В стенах общины каждый день, кроме праздников, работа кипела с утра до ночи... Пряли лен и шерсть, ткали новины, пестряди, сукна; занимались и белоручными работами: ткали шелковые пояски, лестовки, вышивали по канве шерстями, синелью и шелком, шили золотом, искусно переписывали разные тетради духовного содержания, писали даже иконы. Но никто на себя работать не смел, все поступало в общину и, по назначенью настоятельницы, развозилось в подарки и на благословенье "благодетелям", а они сторицею за то отдавали.

Главную распорядительницей работ и всего обительского хозяйства была игуменья. Ей помогали: уставщица, по часовенной службе и по всему, что касалось до религиозной части; казначая, у ней на руках было обительское имущество, деньги и всякого рода запасы, кроме съестных,- теми заведовала мать-келарь, в распоряжении которой была келарня, то есть поварня, столовая. Уставщица, казначая, келарь и еще три-четыре, иногда и больше старших матерей, называясь "соборными", составляли нечто вроде совета настоятельницы, решавшего обительские дела. При настоятельнице обыкновенно ходила в ключах особая инокиня, заведовавшая частным ее хозяйством, ибо игуменье дозволялось иметь частную собственность. Мать ключница обыкновенно вела обительскую переписку и имела не последнее место в обительском совете - "соборе", как называли его. Иногда в ключницах бывали и белицы. Выбор ключницы зависел от одной игуменьи. Таково было внутреннее устройство скитских обителей. Таково было устройство и в обители Манефиной, богатейшей и многолюднейшей из

всех обителей Комаровского скита, стоявшего на Каменном Вражке.

В лесах Черной рамени, в верхотинах Линды, что пала в Волгу немного выше Нижнего, среди лесов, промеж топких болот выдался сухой остров. Каменным Вражком зовут его. В самом деле место тут каменистое. Белоснежным кварцевым песком и разноцветными гальками усыпаны отлогие берега речек, а на полях и по болотам там и сям торчат из земли огромные валуны гранита. То осколки Скандинавских гор, на плававших льдинах занесенные сюда в давние времена образования земной коры. За Волгой иное толкуют про эти каменные громады: последние-де русские богатыри, побив силу татарскую, похвалялись здесь бой держать с силой небесною и за гордыню оборочены в камни. Еще недавно на Каменном Вражке стояло обширное селение; остатки его целы. С виду селение то не похоже было на окрестные деревеньки. Вокруг его хоть бы крохотная полоска пашни. Не сеяли, не жали в Каменном Вражке, а в каждом амбаре закромы круглый год ломились от насыпного хлеба. И золотистая пшеница кубанка, и чистая рожь яранская, и отборное сызранское пшено, и крупная греча, и тяжеловесный вятский овес доверху наполняли скитские сусеки. В клетях и чуланах тесно было от мешков с пушистою казанской крупчаткой, разными солодами и крупами, тогда как спокон века ни в едином доме на Каменном Вражке ни сохи, ни бороны не бывало. В тамошних речонках, кроме рыбки-малявки, ничего не водилось, а в погребках засеченные в лед пересечи ставили полным-полнехоньки с осетриной, с белужиной, с сибирскими рыбами: нельмой, муксунами и другими, а в кладовых бывали навешаны жирные донские бальки, толстые пуки вязиги, вяленые судаки, лещи, сазаны. Никакого промысла на Каменном Вражке не бывало, ни завода, ни фабрики, а всякого добра водилось вдоволь. Люди там как в раю жили - никому не гребтелось, как концы с концами по хозяйству свести, откуда добыть деньгу богу на свечу, себе на рукавицы, на соль, на деготь, на ков, на привар да на штоф зелена вина, как гребтится мужику рядовому. Выдайся год дородный, выдайся год голодный, стой в межень на Волге десять четвертей, бреди через нее курица, на Каменном Вражке ни думушки нет, ни заботы: будет день, будет и пища.

Внутри околицы обширного селенья не было ни улицы, ни односторонки, ни курмыша. Обнесенные околицей жилые строенья и разные службы были расположены кругом обширного двора, среди которого возвышалась часовня. Строенья стояли задом наружу, лицом на внутренний двор. Такое расположение домов очень давнее: в старые годы русская община всегда так строилась; теперь редко где сохранился круговой порядок стройки, все почти наши селенья как по струнке вытянулись в длинные улицы или односторонки. За Волгой и в северных лесных пространствах кое-где сохранились еще круговые поселенья, напоминающие древнюю общинную жизнь предков. Таковы были и скиты. На Каменном Вражке в последнее время было до двенадцати общин "обителей", стоявших отдельно. Между ними стояли избенки, где жили не принадлежавшие к общинам - "сиротами" звались они. Каждое сиротское строенье на свою сторону смотрело: избы, обычной деревенской постройки, то жались в кучу, то отделялись друг от друга и от обителей просторными пустырями, огородами, кладбищами. Пустыри покрыты были луговиной, на ней паслись гуси, куры и другие домашние птицы обительские, тут же стлали новины для беленья.

В огородах, окружавших со всех почти сторон каждую обитель, много было

гряд с овощами, подсолнечниками и маком, ни единого деревца: великорус прирожденный враг леса, его дело рубить, губить, жечь, но не садить деревья. Чуть ли не в одной Манефиной обители на кладбище и возле него росли березы, рябины и черемуха. Плодовых деревьев в скитах не бывало - за Волгой земля холодна, неродима, ни яблоков, ни вишен, ни груш не родится. Кладбища среди строений были и старые: запущенные, заросшие бурьяном, и новые, с покрытыми свежим дерном холмиками и с деревянными, почерневшими от дождей и снежных сугробов, столбиками, к которым прибиты медные кресты. Изредка попадались на тех кладбищах деревянные голубцы, еще реже надгробные камни.

Строенье в обителях на Каменном Вражке не похоже было ни на городское, ни на деревенское. Обыкновенно пять-шесть больших бревенчатых изб на высоких подклетах ставились одна вплоть к другой, либо отделенные одни от других тесовыми холодными сенями. Строены под одну кровлю, соединялись меж собой сенями и крытыми переходами. Такое строенье называлось "стаей" и напоминало допетровские городские хоромы зажиточных людей. В каждой стае бывало по пяти, по шести, иногда до десяти теплых горниц, каждая с перегородками чистой столярной работы, иногда ольховыми, иногда ясеневыми. Вокруг по стенам каждой горницы стояли вделанные в стены широкие деревянные лавки, но в иных покоях бывали и диваны, и кресла, и стулья красного дерева, обитые шерстяною или шелковой материей. В переднем углу каждой горницы поставлена была деревянная божница с иконами и лампадами, под нею висела шелковая пелена с крестами из позумента. Светло, сухо, тепло было в тех горницах, а чистота и опрятность такая, что разве только домам Голландии можно было поспорить со скитскими кельями. Кроме теплых покоев, в каждой стае много бывало холодных сеней с темными чуланами и каморками, переходов, тайников. Внизу под жилыми покоем устроены были теплые повалуши, а под сенями глухие подклеты, наверху чердаки, теплые светелки и холодные летники, вышки и смотрильни, в которых под самою кровлей порублены были на все четыре стороны едва видные кошечки.

Крыши делались обыкновенно в два теса со "скалой", утверждались на застрехах и по большей части бывали с "полицами", то есть с небольшими переломками в виде полок для предупреждения сильного тока дождевой воды. Несколько высоких крылец и едва видных выходов окружали каждую стаю. Две, три, иногда до десяти стай с разбросанными между ними избами обычной деревенской постройки, амбарами, погребам, житницами, с стоявшими одаль сараями, конюшнями, конным и скотным дворами, с примыкавшими к строенью огородами, с одним или двумя кладбищами обносились особою изгородью или пряслами из дрючкового леса. Это составляло особую общину и называлось "обителью". Несколько таких обителей составляли скит. Часовни, сажен по пятнадцати в длину, по шести, по семи в высоту, строились на один лад: каждая составляла огромный четырехугольный бревенчатый, не обшитый тесом дом, с окнами в два, иногда в три ряда, под огромною крутою на два ската тесовою кровлей с крестом вместо конька и с обширною папертью, на которой возвышались небольшие колокольни, давно, впрочем, стоявшие без колоколов. Для призыва к часовенной службе запрещенные колокола заменялись "билами" и "клепалами", то есть повешенными на столбах досками, в которые колотили деревянными молотками.

В обителях, не имевших часовен, внутри главной стаи устраивались обширные моленные. Это были те же часовни, но, так сказать, домашние, стоявшие в одной связи с кельями. Вот что известно из скитских преданий про начало скита Комаровского и про обитель матери Манефы. Вскоре после "Соловецкого сиденья" на Каменном Вражке поселился пришлый из города Торжка богатый старообрядец, по прозвищу Комар. По имени его и скит прозвали Комаровым. Сначала тут было четыре обители, к концу прошлого столетия было их до сорока, а жителей считалось до двух тысяч. Долгое время, около ста лет, Комаровский скит на Каменном Вражке был незначительным скитом. В год московской чумы и зачала старообрядских кладбищ в Москве - Рогожского и Преображенского (1771 год.) зачалась слава скита Комаровского. В том году пришли на Каменный Вражек Игнатий Потемкин, Иона Курносый и Манефа Старая. Еще при царе Алексее Михайловиче смоленские старообрядцы знатных родов, Сергей Салтыков, Спиридон и Ефрем Потемкины и многие другие, переселились в Черную рамень, неподалеку от первоначального скита Шарпанского. Впоследствии родственница Сергия, Анна Ивановна, сделалась императрицей, а при Екатерине родственник Ефрема и Спиридона сделался великомощным князем Тавриды... Во времена силы Салтыковых в лесах заволжских не оставалось родичей Сергия, но Потемкины жилали в Черной рамени до дней князя Таврического. Там, сказывают скитские предания, жил старец Игнатий из рода Потемкиных, внук Спиридонова племянника. Был он смолоду на службе, воевал под начальством Миниха с турками и татарами, весь израненный удалился в Черную рамень спасаться и, будучи старообрядцем, постригся в иноки, с именем Игнатия. Когда родич его князь Потемкин возвысился, Игнатий поехал к нему в Петербург, показал какие-то бумаги, и "великолепный князь Тавриды" признал раскольникého инока своим родственником. С богатыми дарами щедрого фаворита воротился смиренный инок в леса заволжские и на Каменном Вражке, в Комаровском скиту, построил обитель, прозванную по имени его Игнатьевою. Впоследствии мужская обитель не устояла; подобно другим, и она сделалась женскою... До последнего времени существования скитов керженских и чернораменских хранилась память о том, будто старец Игнатий Потемкин, представленный своим родичем императрице Екатерине, получил какие-то письма императрицыной руки, на основании которых нельзя будто бы было никогда уничтожить заведенной им обители.

По поводу этих мнимых писем была немалая молва во время уничтожения скитов в 1853 году... У настоятельницы Игнатьевой обители матери Александры требовали их, но она не могла ничего представить. До того лет за двадцать, в первые годы елизаветинского царствования, поселилась в Комаров старая дева, княжна Болховская. Она основала обитель Бояркиных, составленную первоначально из бедных дворянок и из их крепостных женщин. На родовой, древнего письма, иконе Спаса нерукотворенного повесила княжна орден Александра Невского, принадлежавший дяде ее, сосланному в Сибирь, Лопухину. Потемкин!.. Княжна!.. Обитель Бояркина!.. Александровский орден!.. Эти слова имели сильное обаяние на раскольников... Со всех сторон текли новые насельники и еще более новые насельницы на Каменный Вражек. И с тех пор Комаров скит стал расти, прочим же скитам оставалось малиться.

В числе знаменитых пришельцев был много начитанный старец Иона, по прозванию Курносый, пришедший из Зауралья, с заводов демидовских, убожа-

емый и доселе старообрядцами за ревность по вере, за писания в пользу старообрядства и за строгую жизнь. Имя его не осталось бесследным в истории русского раскола. Этот Иона был одним из замечательнейших людей московского старообрядского собора 1779 года, утвердившего "перемазыванье" приходящих от великороссийской церкви. Его считают праведным. В давно запустелой и развалившейся обители Иониной, стоявшей рядом с Игнатьевою, цела еще могила его, осененная огромною елью. "Иониная ель" - предмет почитания старообрядцев: ствол ее чуть не весь изгрызен. Страдающие зубною болью приходят сюда, молятся за умершего или умершему и грызут растущее над могилой его дерево в чаянии исцеления. И верующие, как сказывают, исцелевают.

Тогда же пришла на Каменный Вражек Манефа Старая. Была она из купеческого рода Осокиных, города Балахны, богатых купцов, имевших суконную фабрику в Казани и медеплавильные заводы на отрогах Урала. Управляющие демидовскими заводами на Урале были ей также свойственники. Когда Осокины стали дворянами, откинулись они от скита раскольничьего, обитель обедняла, и обитель Осокиных прозвалась обителью Рассохиных. Бедна и скудна была, милостями матери Манефы только и держалась. Эти насельники возвысили Комаровский скит перед другими. Разнеслась о нем слава по всем местам, от Петербурга до Сибири и Кубани, и в обители его отовсюду полились щедрые даения "благодетелей". Но самую богатую, самую знатную обителью стала обитель Манефы Новой, оттого, что в ней прочно основано было общежительство, строго были уставы общины и не видано, не слыхано было про какое-нибудь от них отступление. По имени настоятельницы называлась она "Манефиной" и своим благосостоянием обязана была целому ряду домовитых, бережливых, распорядительных игумений, следовавших одна за другой в продолжение целого почти столетия. Но не одна домовитость, не одна бережливость были источниками богатств, скопленных в Манефиной обители в первые годы ее существования. Прежние игуменьи, особенно мать Назарета, обогащали обитель своими способами.

Шарташ, Уктус, пустыни Висимских лесов (Шарташ и Уктус - большие скиты поблизости Екатеринбурга. Висимские леса, где много было скитов, недалеко от Нижнетагильского завода.) были в постоянных сношениях с ними. Во время оно нередко приходили оттуда на Каменный Вражек возы с сибирскими осетрами и с коровьим маслом. Потрошила тех осетров и перетапливала масло всегда сама Манефа Старая, и никого тогда при ней не бывало, а когда померла она, преемница ее игуменьи Назарета принялась за то же дело. Хоть ни та, ни другая об алхимии не слыхивали, но из осетровых потрохов и подонков растопленного масла умели добывать чистое золото. Делом тем занимались они в подземелье, куда уходили через тайник, устроенный в игуменской стае... Назарета была уже в преклонных летах, когда настал французский год. Рассказывали, что в ту страшную пору купцы, бежавшие из Москвы от неприятеля, привезли Назарете много всяких сокровищ и всякой святыни, привезли будто они то добро на пятистах возах, и Назарета самое ценное спрятала в таинственное подземелье, куда только перед большими праздниками одна опускалась и пребывала там по двое, по трое суток. Всем это было на удивление. Как ни пытались обительские матери разведать тайну игуменьи, никто разведать не мог. Как ни спрашивали ее, как у ней ни допытывались, молчит, бывало, строгая старица, отмалчивается